

Е. В. Реут

СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ «НЕСУНЫ» НА ЗАВОДЕ №820 В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946 – 1953)

На основе документов Государственного архива Калининградской области, впервые введенных в научный оборот, предпринимается попытка понять такое специфическое для СССР социальное явление, как «несуны», определить причины его возникновения, формы и масштаб на заводе №820 (ныне – завод «Янтарь»). Приводятся факты мелких краж на предприятии, исследуются виды наказаний за них, а также отношение к «несунам» руководства предприятия.

Based on documents of the State Archive of the Kaliningrad region that were not previously used for scientific purposes, this article attempts to examine the specific Soviet social phenomenon of factory pilfers and identify the reasons behind its development, as well as its extents at factory No. 820 (today, the Yantar factory). The author presents the facts of petty thefts at the factory and analyses corresponding punishments and the management's attitude towards pilfers.

Ключевые слова: «несуны», кража, задержание, наказание.

Key words: pilfers, theft, detention, punishment.

В послевоенный период в СССР получает распространение такое своеобразное социальное явление, как «несуны». Так определяли работников, выносивших с собственных предприятий «то, что плохо лежит» — все, что могло пригодиться в своем хозяйстве или быть реализовано за деньги либо путем обмена.

Это явление объяснялось по меньшей мере тремя обстоятельствами: во-первых, нараставшим в СССР товарным дефицитом, когда почти все украденное с собственного завода было востребовано на черном рынке,

во-вторых, «удобной» трактовкой несунами понятия «общенародная собственность» — в духе присказки «Все вокруг народное. Все вокруг мое» и, наконец, недовольством населения уровнем своего материального благосостояния.

В СССР печатно упоминать о несунгах было разрешено только с конца 1970-х гг., несмотря на то что это явление возникло фактически вместе с советским строем, а в послевоенные годы приобрело повсеместный характер. В основном данную проблему поднимали публицистические статьи в газетах, реже — научные публикации; серьезные социологические и статистические исследования отсутствовали. Тем не менее большинство писавших о несунгах признавали это явление масштабным, подчеркивали его вред, сравнимый с крупными хищениями государственной собственности.

И. Н. Даньшин констатировал: «В народе таких любителей поживиться за счет общественного достояния презрительно называют “несунами”» [15, с. 66]. В. А. Беляков и М. Е. Скрыбин создали собирательный образ несуна: «А он расчетливый, аккуратный такой, хозяйственный — гвоздик к гвоздику, копейчку к копейчке. Сунься кто к нему, возьми без спросу гвоздик, копейчку — сразу неприятности наживешь: “Кто разрешил? Не твое — не трогай” ... Успокаивает свою совесть (если она еще у него жива) тем, что “государство — оно богатое”: тащи у него хоть одну, хоть несколько деталей — убытка не будет» [1, с. 5]. Ю. И. Ляпунов полагал, что устойчивость и массовость этого явления обусловлены тем, что «общественное мнение отдельных трудовых коллективов, членами которых являются задержанные, в отношении мелких хищений довольно снисходительно» [9, с. 75].

Некоторые юристы взглянули на проблему в рамках исследований природы и проявления «мелких хищений» вообще, то есть не только на производстве. В их работах дана подробная характеристика видов мелких краж, осмыслена степень юридической ответственности за них. Причины явления практически все видели в слабой воспитательной работе, в недостатке контроля на предприятии и неудовлетворительной работе следственных органов по выявлению расхитителей [2; 4; 6—10; 18]. Особо подчеркивалась распространенность такого рода краж на предприятиях пищевой промышленности и в сфере бытовых услуг.

Конечно, советские исследователи не могли объективно писать обо всех причинах этого явления, иначе им пришлось бы перейти к критике социалистической системы хозяйствования и признать дефицит товаров важнейшим фактором, способствующим хищениям. Так, И. Н. Даньшин с осторожностью указывал на этот мотив: «Необеспеченность предметами и орудиями труда в конкретной отрасли и сфере обслуживания населения также иногда выступает одним из криминогенных обстоятельств хищения» [15, с. 83].

Современные исследования рассматриваемого явления имеют более серьезную научную основу, так как, по меньшей мере, они свободны от идеологического давления. Так, С. Ульянова полагает, что кражи на предприятиях в 1920-х гг. не были всецело порождением советской системы — одной из причин этого явления служило «тяжелое материальное положение» рабочих: «Ставки, особенно первых разрядов, были очень низкими» [16, с. 74]. Е. Осокина, рассматривая дополнительные

источники самообеспечения городских и деревенских жителей в 1927–1941 гг., подчеркивает важность каждой мелочи для несуна в условиях товарного дефицита: «Основной урон государству наносили не банды, совершавшие вооруженные грабежи и налеты на поезда, склады, магазины, а “преступления по месту работы” — крупные хищения денег и товаров, которые совершались администрацией, и мелкое воровство простых работников. При пустых полках магазинов всякая мелочь имела ценность, “несуны” становились бичом социалистической экономики. “Несли” с работы то, что производили, либо то, что лежало без присмотра» [14, с. 144].

В. Никола отмечает сочувственное отношение руководства предприятий к несунам: «На предприятиях процент несунув, пойманных с поличным, был настолько высоким, что руководство закрывало на это глаза и переставало передавать дела в милицию или прокуратуру. Если дело доходило до суда, тот часто выносил приговоры ниже установленного законом предела» [11, с. 349]. Д. Фильцер указывает на широко распространенную практику использования труда «закабаленных» рабочих на угольных шахтах, железных дорогах СССР после войны. К категории «закабаленных» автор относит рабочих, совершивших незначительные преступления, в том числе мелкие кражи, и отбывающих наказания в исправительно-трудовых лагерях [17, с. 124–128].

В статье рассматривается явление «несуны» в рамках отдельного предприятия — судоремонтного завода №820 (ныне — «Янтарь») в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.). На тот момент завод №820 являлся крупнейшим по численности рабочих предприятием региона, которое начало деятельность уже в 1946 г., в то время как другие предприятия находились в процессе восстановления.

Трудно определить масштаб изучаемого явления на заводе, так как специальная статистика по кражам не велась. Сохранились протоколы задержаний воров, приказы директора о мерах по отношению к ним, объяснительные записки задержанных и свидетелей. По этим источникам можно обрисовать картину «расхищения социалистической собственности». Однако документы фиксируют только факты задержаний, поэтому не представляется возможным определить точное число фактически совершенных краж. Поскольку накал этого явления не снижался, в большинстве случаев, видимо, задержать расхитителей не удавалось даже на таком «режимном» предприятии, как завод «Янтарь».

Рассмотрим, что являлось *объектом* краж на предприятии и *какие меры* принимались по отношению к несунам. Наиболее распространенными были хищения материалов и инструментов в целях ремонта квартир. Типичны следующие случаи: 9 и 10 февраля 1949 г. на контрольно-пропускном пункте завода были задержаны рабочие, которые пытались вынести похищенный инструмент и оконные рамы, а также вешалки и полочки, изготовленные из материалов завода в рабочее время [3, д. 17, л. 215]; 18 августа 1950 г. старший кочегар цеха №89 X-ов (здесь и далее фамилии несунув даны в сокращении по этическим соображениям) намеревался похитить слесарные тиски и рулон толи, с

которыми и был задержан на транспортных воротах при попытке вывезти их вместе с дровяными отходами [3, д. 13, л. 231 – 232]. Подчас рабочие давали весьма оригинальные объяснения кражам. Например, 16 апреля 1952 г. слесарь цеха №24/15 А-ин пытался вынести с завода сверлильную машинку «Воздушный пистолет», обосновав свои действия так: «Взял его в цехе №24/15 и нес домой потому, что в цехе могут своровать» [3, д. 5, л. 309, 316].

Нередко несуны тащили то, что можно было сбить на черном рынке ради дополнительного дохода. Например, 4 марта 1949 г. электрик цеха 15/24 Ш-ев похитил в кладовой цеха трехфазный электросчетчик на 220 вольт, завернутый в бумагу под видом булки хлеба, но был задержан охраной [Там же, д. 7, л. 162]. Крали даже те, кто непосредственно не трудился в цехах. Например, бухгалтер У-ва была остановлена на проходной с двумя фанерными полками, изготовленными из материалов завода [Там же, д. 17, л. 216]. Из приказа директора №149 от 7 мая 1949 г. узнаем, что рабочая цеха №5 Д-ко «похитила с завода 5 кг белил, передала их водовозу ЖКО О-ко... который пытался вывезти с завода на повозке, но оба были задержаны» [Там же, д. 5, л. 316]. В протоколе задержания Д-ко оправдывалась следующим образом: «Белила купила у матроса для покраски комнаты и попросила рабочего ЖКО... отнести на квартиру» [Там же, л. 317].

Зачастую коллеги по работе покрывали расхитителей, а сами сторожа становились соучастниками кражи. Так, на «Янтаре» произошел случай почти по сценарию известного фильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика». Старшая кладовщица склада №26 М-на, согласно приговору Военного трибунала от 13 января 1947 г., «имитировала кражу имущества... для чего сорвала пломбу на дверях склада и открыла окно склада» [Там же, д. 2, л. 126]. Следствие выяснило, что двумя днями раньше она «выдала из склада матросу З. два мешка с различными промтоварами, которые З. взял и отнес к себе на квартиру» [Там же, л. 127]. Далее в тексте приговора приводится большой перечень похищенного имущества вплоть до «одной тюфячной наволочки и 40 наволочек к подушкам».

Нередко расхитители с непринужденностью рассказывали о своем деянии, не считая его преступлением. Так, практикантка цеха №24 Ш-ва пыталась вынести с завода 0,5 г (так в документе) светочувствительной бумаги, но была задержана. Свои действия она объясняла так: «Я зашла в красный уголок 24 цеха, там была бумага и я взяла ее, ибо там не было никого. Бумагу взяла для составления конспектов. При этом присутствовали К-ва и Г-ий. Им тоже нужна бумага для составления конспектов» [Там же, д. 18, л. 373 – 374].

Иные объекты воровства могли бы поразить современного читателя своей ничтожностью. Например, 3 февраля 1949 г. зафиксирована попытка похищения рабочим П-ым лампочки на 500 Вт со следующим объяснением: «Я пронес лампочку на завод для ремонта и пытался пронести обратно» [Там же, д. 5, л. 112, 117]», а 14 июля 1952 г. «экспеди-

тор транспортного отдела И-на при выгрузке вагона похитила 2 кг соды... И-на передала сверток с содой бригадиру службы пути цеха №28 Б-вой... для выноса с территории завода» [Там же, д. 27, л. 41], но была задержана. На выходе задерживали работников с ватой [Там же, д. 5, л. 162], брезентом [Там же, д. 7, л. 256–257], наждачным полотном [3, д. 7, л. 231–232], зеркалом, рулонами толи [Там же, д. 18, л. 67], листовой резиной [Там же, д. 2, л. 224], малярными кистями [Там же, д. 17, л. 301], олифой [Там же, л. 75] и т. п.

Помимо стройматериалов и инструментов работники крали то, что им было необходимо в быту. Так, рабочая цеха №5 В-ва пыталась вынести с завода 4 кг угля. В протоколе задержания она пояснила: уголь взяла «для топки печи, так как я не имею дома дров, а в квартире холодно» [Там же, д. 7, л. 88]. Кладовщица цеха №89 П-ва, попытавшаяся украсть в кладовой цеха 8 кусков хозяйственного мыла, так объяснила свои действия: «Работала на складе №89, где происходил подсчет и мыло хозяйственное в излишке. Я решила забрать домой излишки» [Там же, д. 18, л. 58]. Машинист турбинной цеха №89 Д-рь, похитивший стул в комнате дежурного инженера ТЭЦ, обосновал свои действия кратко: «В доме стульев не имеется» [Там же, л. 59].

Некоторые кражи инкриминировались водителям, в чьих машинах обнаруживали похищенные вещи. Так, шофер транспортного отдела завода Д-ов 3 февраля 1949 г. на автомашине пытался вывезти изготовленную на заводе детскую кровать, которую, предварительно разобрав на части, спрятал в кузове автомашины. Своим действиям Д-ов нашел такое оправдание: «Работал в гараже, мне сказал диспетчер: “Приезжай...” Я пошел, в кузов не смотрел, кто положил, не знаю, один рабочий просил, чтобы положить. Я не разрешил, но фамилию и лицо рабочего не помню» [Там же, д. 5, л. 112, 118]. Трудно было поверить такому наивному объяснению.

Складывается впечатление, что руководство завода «Янтарь» старалось ограничиться мерами административного воздействия в отношении несунув, особенно если речь шла о незначительных хищениях — лампочках, кусках мыла, пачках соды. Согласно действовавшему Кодексу законов о труде 1922 г. (ст. 47 п. «г»), мерой наказания за такие правонарушения являлось увольнение: «Трудовой договор... может быть расторгнут... в случае систематического неисполнения нанявшимся, без уважительных причин, обязанностей, возлагаемых на него договором или правилами внутреннего распорядка» [5].

Более серьезные случаи приводили к возбуждению уголовного преследования. По закону наказание за мелкую кражу было суровым: согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г., мелкая кража, независимо от ее размеров, каралась тюремным сроком на один год, если она по своему характеру не влекла за собой более тяжкого наказания [19]. Самое суровое наказание за кражу содержал указ от 4 июня 1947 г., гласивший: «Кража... карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от пяти до шести лет. Кража, совершенная воровской шайкой или повторно, карается заключением в исправительно-трудовом лагере на срок от шести до десяти лет» [13].

Виды наказаний были разными: выговор, выговор с предупреждением, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением, увольнение, временный перевод на низкооплачиваемую работу. В крайнем случае провинившийся увольнялся с завода, нередко с передачей документов в следственные органы. Так, бригадир цеха №5 Г-ва, попытавшаяся вывезти на автомашине под дровами 10 кг цветного металла, приказом директора №546 от 7 сентября 1951 г. была уволена с работы, а в дальнейшем привлечена к уголовной ответственности [3, д. 18, л. 72]. Решения администрации относительно несунув отличались по степени строгости. Видимо, учитывались дополнительные обстоятельства: характеристика работника, степень его раскаяния, партийность, поручительство товарищей и др. Например, за кражу хозяйственного мыла работницу уволили, а работнику, укравшему стул, объявили строгий выговор. Шоферы П-ов и Г-ов за попытку вывезти спрятанный в дровах рулон толи были переведены на должность разнорабочих в цех №5 сроком на 3 месяца с привлечением к уголовной ответственности по указу от 4 июня 1947 г. [3, д. 7, л. 75]. Вышеупомянутую старшую кладовщицу М-ну Военный трибунал приговорил к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет с конфискацией лично ей принадлежащего имущества, но без поражения в правах, а ее подельника З. — к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях сроком на 3 года.

В первую очередь работники завода крали материалы, необходимые для ремонта своих квартир (кисти, краски, оконные стекла и рамы, наждачное полотно), причем что-то изготавливали в рабочее время из материалов завода (например полочки, оконные рамы). Повышенный интерес у несунув вызывали также средства домашнего обихода (наволочки, брезент, лампочки, вата, стулья, хозяйственное мыло, уголь, сода). Инструменты несли с завода чаще всего мужчины, они же могли вывозить на заводском транспорте похищенные вещи. Все эти факты свидетельствуют как о бедности и бытовой неустроенности работников завода, так и о моральном облике тех из них, кто пытался пожить за счет предприятия. В первые послевоенные годы в условиях тотального дефицита товаров для несунув любая мелочь оказывалась полезной. Сами они не вели счет хищениям, полагая, что богатому государству особого убытка не будет. Администрация завода в большинстве случаев, вопреки закону, не привлекала работников к уголовной ответственности, а старалась ограничиться мерами административного воздействия.

Архивные материалы по калининградскому судостроительному заводу №820 подтверждают факт распространенности в СССР краж на производстве. Несмотря на недостаточность статистических данных, все приведенные «улики» — разнообразие форм и хронический характер хищений, способы самооправданий, тотальность воровства (вплоть до куска хозяйственного мыла), склонность администрации закрывать глаза на мелкие кражи, индифферентное отношение коллектива к несунув, отсутствие у работников уважения к государственной собственности — неопровержимо свидетельствуют о масштабности этого явления.

Список источников и литературы

1. *Беляков В. А., Скрыбин М. Е.* Не уходить от острых вопросов // И снова — «несуны»... Л., 1986. С. 4–7.
2. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986.
3. *Государственный архив Калининградской области.* Ф. Р-293 (Государственный завод №820). Оп. 9.
4. *Гаухман Л. Д., Серова М. В.* Ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества. М., 1990.
5. *Кодекс законов о труде РСФСР [Электронный ресурс] :* постановление ВЦИК от 9 нояб. 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Кочоян С. М.* Уголовная ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества. М., 1989.
7. *Кригер Г. А.* Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974.
8. *Кригер Г. А.* Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. М., 1957.
9. *Ляпунов Ю. И.* Корыстные правонарушения нетерпимы. М., 1989.
10. *Матышевский П. С.* Ответственность за преступления против социалистической собственности. Киев, 1983.
11. *Никола В.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.
12. *Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство [Электронный ресурс] :* указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 авг. 1940 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. *Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества: [Электронный ресурс] :* указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. *Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок снабжения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998.
15. *Предупреждение хищений государственного и общественного имущества.* Харьков, 1988.
16. *Ульянова С.* «Несуны» в законе. Кражи на предприятиях в 1920-е годы // Родина. 2011. №3. С. 74–77.
17. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.
18. *Шикунов В. С.* Кража и ответственность. Минск, 1971.

Об авторе

Екатерина Владиславовна Реут — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: ikaterina21@mail.ru

About the author

Ekaterina Reut, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ikaterina21@mail.ru